

Мужчина, который до этого момента совершал фрикции, внезапно замер, так и оставшись внутри.

— Ты плачешь?

Лу Яньсюань решил, что причинил Тун Ли боль, и стер пальцем слезинку с уголка его глаз. Он уже собирался отстраниться, но не ожидал, что тонкие бледные руки Тун Ли крепко обхватят его за пояс.

— Нет, не уходи, — почти умоляющим тоном прошептал Тун Ли, прижимаясь своим изящным лицом к его груди.

В воздухе воцарилась странная тишина.

— Яньсюань, скажи, кто мы теперь друг другу?

— Кто мы? — уголки губ Лу Яньсюаня дрогнули в усмешке. — Если я скажу, что люблю тебя, согласишься?

Его тело снова пришло в движение. Тун Ли вцепился пальцами в его талию, а его лицо залилось густым румянцем.

— Спасибо тебе... за то, что любишь меня.

Тун Ли зарылся лицом в объятия Лу Яньсюаня, впитывая тепло, исходившее от его груди. Неважно, правда это или ложь, но за все восемнадцать лет его юности первым человеком, который сказал, что любит его, был не Тун Пинчуань, а Лу Яньсюань.

— Я слышал от Эйви, что у тебя скоро день рождения?

Лу Яньсюань остановился:

— Что, решил преподнести себя мне в подарок?

Он хитро улыбнулся и воспользовался моментом, чтобы сменить позу.

Тун Ли перевернулся на живот, оказавшись к нему спиной. В полумраке было видно, что синяки на спине Тун Ли заметно побледнели, но всё ещё проступали легкими следами.

В голове у Лу Яньсюаня зародилась и начала прорастать одна мысль.

На его двадцатилетие наверняка придет много гостей. Если он во всеуслышание объявит о своих отношениях с Тун Ли, то при таком количестве свидетелей осмелится ли Лу Юаньли снова поднять на него руку?

К тому же, его помолвка с той старшей дочерью из семьи Е, которая была на два года старше него, должна будет сойти на нет сама собой.

...

Страстный акт, пронизанный гормонами, завершился в тихих, нежных шепотах.

В особняке Лу каждый поступок Яньсюаня заставлял Тун Ли чувствовать себя так, будто он

каждый день проводит в банке с медом.

Иногда Тун Ли задумывался: может, стоит просто довольствоваться тем, что есть? Держать в сердце мысли о Тун Пинчуане было слишком тяжело. Если похоронить их, запечатать, ему станет намного легче.

Тун Ли тешил себя надеждой, что сможет, подобно Тун Пинчуаню, решительно отбросить всё и забыть. В конце концов, это Тун Пинчуань первым отказался от него.

Но надежды остались лишь надеждами...

Когда кто-то берет лопату и выкапывает из глубин сердца насильно запечатанные и выброшенные воспоминания, ты внезапно осознаешь: ты думал, что похоронил и выбросил это бремя, но из-за того, что закопал его слишком глубоко и закинул слишком далеко, при обратном извлечении тырываешь все сосуды в теле. Боль такая, что кажется, будто рушится весь мир.

Привет, ты Тун Ли? Я клиент твоего отца, Тун Пинчуаня. Когда твой отец обслуживал меня, он внезапно начал харкать кровью и биться в конвульсиях. Сейчас он в больнице, в реанимации. Врачи говорят, у него желудочное кровотечение, звучит серьезно. В общем, приезжай скорее. Я ухожу, и не смей вешать это на меня, я тут ни при чем.

На улице моросил мелкий дождь, словно само небо над чем-то насмехалось.

Тун Ли чувствовал, как каждая клетка его тела онемела. Словно ходячий мертвец, он был на грани краха. Выходя из комнаты, он едва не столкнулся со служанкой.

Во дворе особняка Лу из-за дождя было пусто.

Тун Ли с тоской посмотрел на капли дождя, распахнул стеклянную дверь и, потеряв душу, бросился наружу.

Никто не заметил, как под дождливым небом маленькая, худая фигурка, почти слившаяся с потоками воды, исчезла со двора особняка Лу.

053. Это твоя мать сдохла!

Словно кто-то включил сирену, внутри хрупкого тела Тун Ли она неистово ревела и выла.

Безжизненное серое небо извергало холодный дождь. Вода разъедала кожу, превращаясь в бесчисленных червей, которые вгрызались в тело, в нервы, в сосуды.

Когда растерзанное ножом тело изливало кровь, которая смешивалась со слезами, Тун Ли почти перестал видеть дорогу.

Навстречу вылетела серая частная машина, отчаянно сигналила. Наконец, в последний момент перед столкновением, водитель всё-таки ударил по тормозам.

Бампер задел левую ногу Тун Ли, и он мгновенно рухнул в грязную лужу.

Мужчина за рулем явно перепугался. Он уже собирался развернуться и скрыться, как вдруг подросток, лежавший в луже, задрожал и снова поднялся на ноги, продолжая бежать прямо на глазах у водителя.

Мужчина выдохнул с облегчением и, глядя вслед суетливой фигуре Тун Ли, сорвался на крик:

— Жить надоело?! Твою мать... Ты на тот свет собрался или твоя мать сдохла!?

— Это твоя мать сдохла! И вся твоя семейка сдохла!

Сорванным голосом выкрикнул Тун Ли. Он не видел лица водителя, его покрасневшие глаза яростно сверкали, пока он продолжал бежать в сторону больницы.

— Ублюдок чертов.

Водитель сплюнул и нажал на газ.

В каждом углу больницы стоял едкий запах антисептиков. Когда Тун Ли в полузабытьи вбежал в здание, мимо него как раз проходила группа людей в белых халатах, везущих каталку — на ней лежал человек, полностью накрытый белой простыней.

В глазах врача, смотревшего на него, читались отчаяние, страх, смерть и скорбь...

Словно одержимый, Тун Ли бросился вперед и сорвал простыню.

Под ней было лицо незнакомого мужчины, чье тело уже окоченело.

Сердце Тун Ли, которое, казалось, остановилось, снова забилося. Он выдохнул: слава богу, это не он.

Кто-то сзади схватил его за волосы, и женщина с силой отшвырнула его в сторону:

— Ты больной, что ли?!

— Простите...

Тун Ли обхватил голову руками, не сопротивляясь. Врач в белом халате остановил женщину и поторопил Тун Ли уходить.

Зайдя в лифт, Тун Ли набрал номер мужчины, который только что ему звонил.

— Скажите, где мой отец...

— Приехал? На третьем этаже, в самой крайней операционной! Я тебе говорю, Тун Пинчуань сам полез ко мне, черт возьми, забрызгал меня кровью... Я тут ни при чем! Не смей вымогать у меня ни копейки! У меня нет денег... Гудки...

Лифт открылся, на том конце провода послышались короткие гудки. Подняв глаза, Тун Ли понял, что поднялся на шестой этаж.

Дрожащей рукой он нажал кнопку вниз, выбрав третий этаж.

Его тело, насквозь промокшее от дождя, только сейчас начало ощущать холод.

Тот мужчина сказал, что Тун Пинчуаню стало плохо во время орального секса.

Его телу было так плохо, почему он должен был...

Раздался звонок, возвещающий о прибытии на третий этаж. Тун Ли, опираясь на стену, доковылял до операционной.

Возле неё его уже ждала медсестра.

— Кем вы приходитесь Тун Пинчуаню?

— Сыном.

Медсестра окинула его взглядом и вручила несколько бланков с названиями лекарств и неразборчивым почерком врача.

— Деньги принес?

Тун Ли машинально потянулся к карману за картой. Его самолюбие, уже втоптанное в грязь, словно снова пнули ногой.

— Принес.

— Хорошо, иди в кассу и оплати.

В это время суток в больнице было немного людей. Когда Тун Ли оплатил счет и вернулся, медсестра сказала, что Тун Пинчуаня перевели в палату.

— Постой.

Мужчина-врач, который проводил реанимацию, окликнул его:

— Нам нужно поговорить.

054. Тогда заведи меня с собой

За полуприкрытыми шторами за окном дождь продолжал лить без остановки. Небо было серым, словно умирало, тучи выглядели нечеткими, но при этом злобно насмехались над ним.

Женщина-врач дала Тун Ли больничный халат, чтобы он переоделся.

Тун Ли завороченно смотрел на неподвижного мужчину. Горячие слезы жгли глаза. Он машинально схватил его за руку и обнаружил, что пальцы отца стали сухими, как щепки, и хрупкими, словно пена — казалось, коснись их, и они рассыплются.

Тун Пинчуань на кровати наконец-то успокоился.

На его лице была кислородная маска. Каждый вдох был таким тяжелым и слабым, что Тун Ли слышал его отчетливо. Аппарат ЭКГ медленно и неровно пульсировал, доказывая, что жизнь ещё теплится в этом теле.

Тело под одеялом выглядело изможденным, а лицо без косметики было блее погребального савана.

Тун Ли сел на пол, растирая руки Тун Пинчуаня, прижимая их к щекам, пряча в своем сердце.

— Я же просил тебя пойти со мной в больницу, почему ты всегда такой непослушный? Занес меня в черный список, сменил номер, даже место работы сменил... Я настолько противен тебе?

— Даже если противен, я все равно твой сын. Даже если противен, я все равно та маленькая дрянь, что вылезла из твоего чрева, и ты никогда не сможешь это отрицать...

— Ты сказал, что не хочешь меня больше видеть, но посмотри на себя сейчас. Кто, кроме меня, захочет быть рядом с тобой? Все твои дружки — никто из них не был искренен...

...

— На самом деле, я давно видел тот листок с анализами. Когда впервые увидел, я смеялся целый день. Думал, что ты наконец-то умрешь и я наконец-то избавлюсь от тебя.

— Но позже я понял: я, черт возьми, ненавижу тебя, но не хочу, чтобы ты умирал. Если ты умрешь, кто будет мучить меня? Если ты умрешь... ты освободишься, но хочешь оставить меня одного в этом мире. Ты такой эгоист, Тун Пинчуань!

...

— Ты думаешь, я хотел ложиться в чужие постели? Это всё из-за тебя... Я хочу, чтобы ты жил, хочу, чтобы ты всегда-всегда был рядом. Ругай меня, бей меня, я просто мазохист, я просто не хочу, чтобы ты умирал...

— Ну вот, теперь ты все равно умрешь. Может...

— Забери меня с собой...

Ресницы мужчины на кровати слегка дрогнули.

Тун Ли зарылся лицом в его ладони, чувствуя слабое тепло. Он не видел, как из уголка глаз мужчины скатилась слеза.

Врач сказал Тун Ли, что болезнь зашла слишком далеко и спасти его невозможно:

— Раковые клетки распространились по всему телу. Он больше не может нормально питаться. Готовься, остались считанные дни.

— Тун Пинчуань, ты ведь всегда хотел меня задушить? Давай договоримся... Если ты умрешь, я умру вместе с тобой...

Тун Ли долго говорил, сжимая руку отца. Пол был холодным, но кондиционер в палате дарил тепло. Тун Ли сидел на полу и, сам того не заметив, уснул.

Во сне он видел, как Тун Пинчуань улыбается ему. Тун Ли хотел подбежать и схватить его, но фигура отдалялась всё дальше.

Тун Ли отчаянно гнался за ним, но под ногами внезапно разверзлась пропасть, разделив их.

И тогда Тун Ли прыгнул в бездну... Сон прервался.

Он почувствовал, как кто-то бережно укрыл его чем-то, и вздрогнул:

— Мама!

Он в панике огляделся и понял, что не упал в бездну, а всё ещё в больнице.

Тун Пинчуань, лежавший на кровати, проснулся и держал в руках плед, пытаясь укрыть его.

— Лили...

055. Другие воспоминания

Этот голос звучал так, будто он проглотил горсть битого стекла. Осколки царапали горло, и звуки вырывались наружу вместе с кровью, мутные и хриплые, но от них тело Тун Ли пронзила боль и онемение.

Тун Пинчуань решил, что сын не расслышал, и позвал снова:

— Лили.

Тун Ли застыл, словно статуя. Его скорбные глаза наполнились болью и удивлением. Эти чувства собрались в слезных железах и наконец превратились в горькие, соленые капли.

Тун Пинчуань сидел на кровати, обессиленный. Глазницы глубоко запали, кислородную маску он снял сам, и в тишине было слышно его тяжелое, с трудом дающееся дыхание.

Тун Ли словно никогда не видел его таким.

В его памяти он всегда был сквернословом, пропитанным запахом алкоголя, кривляющимся перед мужчинами... у него было бесчисленное множество недостатков.

— Тун Пин... — губы Тун Ли дрогнули.

— Мама...

Плед соскользнул с плеч Тун Ли на пол.

За окном больницы сверкнула молния и прогремел гром.

Темная комната на мгновение осветилась, а потом снова погрузилась во тьму.

Вспышка молнии запечатлела момент, когда двое в палате обнялись и заплакали.

Гром всегда опаздывал на несколько секунд, как и это запоздалое признание матери и сына.

Только вот некоторые вещи можно вернуть, даже если они опоздали, а некоторые — если опоздали, то навсегда потеряны.

Мать и сын, казалось, могли говорить бесконечно. Тун Пинчуань, лежа на кровати, кашляя, рассказывал истории из детства Тун Ли:

— Однажды ночью я укладывал тебя спать, и ты, мелкий, обдул меня с ног до головы.

Пришлось среди ночи менять тебе подгузник. Я был в бешенстве, а ты лежал у меня на руках и агукал, улыбаясь.

— Когда ты только родился, ты хотел молока, но у меня не было такой возможности, пришлось искать кормилиц. А ты, паршивец, был с такими острыми зубами, что не успел попить, как начал кусаться, доставляя боль кормилицам. Сменил нескольких, никто больше не хотел тебя кормить...

...

— Слушай, ты сын Тун Пинчуаня, не смей быть таким неудачником! Я в свое время прошел этот путь в одиночку, ты сможешь пройти ещё дальше...

Тун Ли никогда не слышал этих историй. Те детали, которые он не запомнил из-за юного возраста — оказалось, он всегда глубоко любил его.

На улице раздался оглушительный раскат грома, поднялся шквалистый ветер, хлынул ливень. Небо, которое до этого словно было закупорено, теперь изливало воду, как обезумевшее.

Телефон, лежащий в кармане пальто Тун Ли, беззвучно вибрировал, разрываясь от звонков.

Экран показывал десяток пропущенных — все от Лу Яньсюаня.

Тун Пинчуань, рассказывая, выбился из сил и снова впал в забытие. Тун Ли в испуге нажал кнопку вызова медсестры. Врач пришел, сказал, что это нормально, и с каменным лицом вышел.

В темной палате Тун Ли забился в тесную постель, крепко обнимая Тун Пинчуаня, прижавшись ухом к его груди, слушая хрупкое сердцебиение.

Безмолвные слезы, пропитанные горечью, капали на одежду, намокая, продолжали течь.

Тун Пинчуань просил его жить достойно, но как Тун Ли будет жить без него?

Ходить по пустым переулкам, ходить в школу, есть, спать, болеть и идти к врачу в одиночку... неужели?

Неизвестно, сколько он проплакал. Тун Ли утер слезы, нежно поцеловал Тун Пинчуаня в лоб и тихо вышел из палаты.

Дождь на улице закончился. Он подумал, что вернется домой и приготовит что-нибудь для отца.

Врач сказал, что разваренная рисовая каша должна пройти.

[Объявление о начале платных глав]

Дорогие котята, бесплатная публикация «Зависимости от соблазна» заканчивается сегодня, пришло время открывать платные главы.

Мяу-Ван очень благодарит всех малышей, которые поддерживали эту историю. Благодаря вам я не чувствовала себя одинокой на писательском пути.

Завязка истории такова: какой бы тяжелой ни была дорога, финал обязательно будет счастливым (НЕ), можете быть в этом уверены. Но что касается страданий или смертей по пути... автор-глупышка не дает гарантий.

Объем этой истории будет небольшим, около трехсот тысяч знаков, так что не волнуйтесь, это не будет стоить дорого — цена чашки чая.

С 34-й главы начинается платная подписка. Те, кто уже читал предыдущие главы, не должны платить за них снова. Если вы купите книгу целиком, Мяу-Ван будет безмерно благодарна!

Возможно, кто-то решит остановиться на этом, и я очень благодарна вам за то, что вы были со мной всё это время. Если в этот раз я не смогла вас удержать, надеюсь, в следующий раз мои истории смогут вас привлечь.

Что касается тех, кто остается, я буду... баловать, баловать и ещё раз баловать! Спасибо, спасибо и ещё раз спасибо! А что ещё делать? Может, заняться с вами любовью, чтобы выразить свою любовь? [Невинное лицо].

Напоследок: оплата на сайте рассчитывается по количеству иероглифов, 1000 знаков = 5 монет. Если вы заметили, что глава стоит 6 или 7 монет, это не подорожание, просто глава стала длиннее.

И последнее: спасибо самому милому редактору сайта, который нашел меня в огромной толпе. Воздушный поцелуй на 999 секунд~

056. Реанимация не помогла

Когда Тун Ли подошел к главному входу в больницу, он разминулся с мужчиной средних лет в дорогом костюме.

Поскольку Тун Ли спешил домой, он не заметил, какой странный блеск мелькнул в глазах мужчины, когда тот увидел его.

— Здравствуйте, скажите, в какой палате лежит Тун Пинчуань? — Сы Ян взглянул на свои дорогие часы ручной работы.

— Здравствуйте, третий этаж, 308-я палата.

Поднявшись на лифте и найдя нужный номер, Сы Ян прищурился, поправил очки и вошел.

Тун Пинчуань только что очнулся и, не обнаружив рядом Тун Ли, хотел было встать, чтобы его найти, но увидел записку на столе, в которой Тун Ли просил его послушно ждать.

Тун Пинчуань взял записку, провел пальцами по изящному почерку, и его взгляд смягчился.

Дверь открылась.

— Пинчуань, давно не виделись.

— Ты ведь... не забыл меня? — мужчина прищурился, глядя на исхудавшего Тун Пинчуаня с жалостью.

— Сы... Ян?

...

...

Час спустя из одной из палат третьего этажа пришло печальное известие.

— Пациент из 308-й палаты, состояние критическое. Реанимационные мероприятия не помогли, признаки жизни отсутствуют. Свяжитесь с родственниками.

...

...

Тун Ли сидел на корточках на маленькой кухне, невидящим взглядом уставившись на пляшущее пламя газовой плиты. Рисовая каша в кастрюле уже источала аромат. Ещё немного, и можно будет переложить её в контейнер.

Внезапно в глубине души Тун Ли возникло беспричинное беспокойство, ему стало трудно дышать.

Это длилось всего несколько секунд, а потом всё вернулось на круги своя.

<http://bllate.org/book/22277/2332193>